

Категория пространства в философии Николая Бердяева: от внешней «пустоты» к внутренней свободе

Иван С. Савушкин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vanya.savushkin.99@mail.ru*

Аннотация. Николай Александрович Бердяев – один из самых известных русских философов как в самой России, так и за ее пределами. Цель статьи состоит в том, чтобы выявить содержание философской категории «пространство» в произведениях Н.А. Бердяева. Философы русского зарубежья нередко обращались к теме пространств, их границ, влиянию на отдельного индивида и социум. В качестве основных источников для исследования выступают такие произведения Бердяева, как «Судьба России» (написано до эмиграции) и «Самопознание» (создано в эмиграции). В статье предпринимается попытка рассмотреть историю употребления категории «пространство» в творчестве Бердяева и проанализировать сам способ работы философа с этой категорией. Изучение проблемы проводится с опорой на методологический подход Б. Гройса к анализу категории пространства. Этот подход позволяет анализировать «пространство» в текстах Бердяева как функциональную «пустоту», в рамках которой происходит конструирование субъекта. Его применение дает возможность провести стратификацию и проследить определенную эволюцию содержания категории «пространство» в философских произведениях Бердяева. В статье выделяются такие разновидности категории «пространство» как: географическое пространство, внутреннее и внешнее пространства, пространство Запада, пространство Востока, пространство Азии, пространство России, пространство свободы.

Ключевые слова: Н.А. Бердяев; пространство; пустота; географическое пространство; внутреннее пространство; внешнее пространство; публичное пространство; пространство свободы; творческий акт

Для цитирования: Савушкин И.С. Категория пространства в философии Николая Бердяева: от внешней «пустоты» к внутренней свободе // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 7. С. 14–28. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-7-14-28

The category of space in the philosophy of Nikolai Berdyaev: from external “emptiness” to internal freedom

Ivan S. Savushkin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, vanya.savushkin.99@mail.ru*

Abstract. Nikolai Aleksandrovich Berdyaev is one of the most famous Russian philosophers both in Russia and abroad. The purpose of the article is to identify the content of the philosophical category of “space” in the works of N.A. Berdyaev. Philosophers of the Russian diaspora often addressed the topic of spaces, their boundaries, and their influence on o consider the history of the use of the category of “space” in Berdyaev’s work, but also to analyze the very way the philosopher works with this category. The study of the problem was carried out based on the methodological approach of B. Groy to the analysis of the category of space. This approach allows us to analyze “space” in Berdyaev’s texts as a funcan individual and society. The main sources for the study are such texts by Berdyaev as “The Fate of Russia” (written before emigration) and “Self-knowledge” (created in emigration). The article attempts not only ttional “emptiness” within which the subject is constructed. Its application makes it possible to carry out stratification and trace a certain evolution of the content of the category “space” in Berdyaev’s philosophical works. The article highlights such varieties of the category “space” as: geographical space, internal and external space, space of the West, space of the East, space of Asia, space of Russia, space of freedom.

Keywords: N.A. Berdyaev; space; emptiness; geographical space; internal space; external space; public space; space of freedom; creative act

For citation: Savushkin, I.S. (2025), “The category of space in the philosophy of Nikolai Berdyaev: from external ‘emptiness’ to internal freedom”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 14–28, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-7-14-28

Введение

Николай Бердяев является одним из тех русских мыслителей XX в., чье интеллектуальное наследие на протяжении многих лет остается предметом повышенного внимания ученых, представляющих разные области социально-гуманитарного знания¹. В этой

¹ Из фундаментальных исследований, посвященных разным аспектам творчества Н. Бердяева, стоит в особенности отметить коллективную

работе предпринимается попытка выявить содержание философской категории пространства в произведениях Николая Бердяева. Огромное наследие философа не позволяет в рамках одной статьи провести исчерпывающий анализ ее использования в работах российского философа. В статье предполагается обратить внимание исследователей на значимость рассмотрения этой темы. В известном смысле, сама статья носит характер приглашения к дискуссии.

Определенная сложность этого исследования объясняется тем, что в одних своих произведениях философ прямо использует понятие пространство, а в других – нет, однако из прочтения становится ясно, что говорит он именно о пространствах. Кроме того, в разных работах Николая Бердяева, а иногда и в рамках одного текста, сама категория пространства может употребляться в разных значениях или описываться разными способами: пространство в одних текстах выводится Бердяевым как географическое *a-priori*, в других – как онтологическое *a-priori*. Например, в ранней статье 1918 г., написанной до эмиграции, «О власти пространства над русской душой» автор в начале текста говорит о географическом пространстве государства, реальности, данной в ощущениях, а в конце статьи рассуждает об этом пространстве как о внутреннем мире человека². Однако в обоих случаях, Бердяев пишет о пространстве в прямом, географическом понимании, используя при этом и такую метафору: «география русской души». В другом, уже эмигрантском тексте, «Я и мир объектов», Бердяев рассматривает категорию пространства главным образом в ее классической «пространственно-временной» парадигме, признавая при этом первичность времени и указывая на невозможность осмысления пространства без времени³.

работу российских авторов: Николай Александрович Бердяев / под ред. В.Н. Поруса. М.: РОССПЭН, 2013. 543 с. (Философия России первой половины XX века). В ней рассмотрены важнейшие стороны творчества русского мыслителя: философия личности и свободы, философия истории и культуры, эстетика и философия искусства, онтология и эсхатология. Среди работ, значимых для данной статьи, см. также: *Павлов И.И.* Современные методологические проблемы исследования творчества Н. Бердяева // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 123–129; *Бычков В.В.* Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. 743 с.; *Пуляева О.В.* Проблема «Запад – Восток» в социальной философии Н.А. Бердяева // Философия и общество. 2007. № 1. С. 145–157.

²*Бердяев Н.А.* О власти пространств над русской душой // Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Философское об-во СССР, 1990. С. 62–68.

³*Бердяев Н.А.* Я и мир объектов. М., 2022. 186 с. URL: <https://books.yandex.ru/authors/NoThgNFI>

В одних работах Бердяев описывает пространство как коллективное, например «русские пространства», в других – говорит о пространстве как об индивидуальном источнике одиночества. Одно из ключевых понятий его мысли – «объективация духа», также связано с категорией пространства. В работе 1939 г. «Дух и реальность» Бердяев объясняет эту объективацию как иллюзию, которая имеет своей целью социализировать дух, а значит ограничить, придать ему рамку и лишить безграничной свободы. Даже не используя напрямую понятие «пространство», Бердяев описывает процесс объективации и социализации как процесс помещения «субъективного духа» в некое ограниченное пространство, лишая его свободы или безграничности. Философ понимает это ограниченное пространство как функциональное, так как именно в его рамках происходят социальные и культурные процессы или, иначе говоря, субъективация: «Но она [объективация] означает также акты субъекта, личного духа, направленные на установление связей и сообщений в этом падшем мире. Поэтому объективация связана с проблемой культуры. В этом вся сложность темы об объективации»⁴.

Такое разнообразие использования понятия «пространство» в работах Николая Бердяева подводит нас к возможности истолкования языка его описания посредством методологии, предложенной Борисом Гройсом. Гройс понимает под пространством сконструированную «пустоту», в рамках которой происходит становление субъекта. Это место, где субъект «сам себя экспонирует» и осмысляет. В работе «Публичное пространство: от пустоты к парадоксу» Борис Гройс вспоминает вставшую перед модернистским искусством дилемму эстетического и этического измерений вещи. Модернистские художники, в частности архитекторы и дизайнеры, сформулировали для себя требование к нераздельности формы или дизайна от функции или сути создаваемых объектов. Гройс приводит слова архитектора Жана Нувеля о том, что его задачей как архитектора является «создание вакуума, пустоты, в которой общество могло бы себя осознанно конституировать»⁵. Поясняя сказанное о взаимосвязи «публичного» и «пустого», Гройс пишет, что «если мы хотим, чтобы публичное пространство имело более постоянный характер, то есть конституировалось как пространство, которое, в свою очередь, может конституировать общество, нам

⁴Бердяев Н.А. Дух и реальность // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 387.

⁵Гройс Б. Публичное пространство: от пустоты к парадоксу. М.: Стрелка, 2012. С. 5.

нужно это публичное пространство построить, то есть построить вакуум, пустоту, в которой общество может состояться: впустить в город вакуум, ничто, не-место, если хотите – у-топию»⁶.

Размышляя о публичном пространстве, Гройс подчеркивает его ключевую черту – в публичной среде субъект *экспонирует* себя взгляду *другого*. Причем по Гройсу это пространство не обязательно должно быть реальным, говоря о медиа, о философии, он отмечает, что они «создают не построенное, а виртуальное публичное пространство прозрачности, в котором все и вся подлежит экспонированию – и подчиняется требованию аутентичности, несокрытия и разоблачения самого себя, требованию честности и истинности»⁷.

Несмотря на то что язык Гройса выглядит далеким от философского языка Николая Бердяева, сопоставление методологических позиций этих авторов кажется нам продуктивным, так как сам Бердяев зачастую описывал те или иные явления схожим образом, используя язык другой эпохи. Кроме того, такой методологический ракурс позволяет характеризовать некоторые построения Бердяева как разные «пространства», хотя сам философ зачастую не использовал по отношению к ним это понятие, но, по сути, представлял их как функциональные рамочные пустоты, в рамках которых происходили определенные социальные или культурные процессы.

Используя методологию Бориса Гройса, мы попытаемся выявить в текстах Николая Бердяева несколько построений, которые, как нам представляется, могут быть охарактеризованы как пространства. В этой статье вводятся такие разновидности категории пространства как: географическое пространство, внутренние и внешние пространства, пространство Запада, пространство Востока, пространство Азии и – как главное в мировоззрении Бердяева – пространство свободы. Для этого в качестве источников был выбран ряд произведений Николая Бердяева, написанных и до эмиграции, и в условиях эмиграции.

Географическое пространство

В 1918 г. выходит сборник статей Бердяева «Судьба России», написанный по большей части еще до революции. Одна из статей «О власти пространств над русской душой» представляет собой пример геофилософской мысли – сопряжение философской прозы с географическим и, шире, пространственным воображением.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 7.

Бердяев пишет: «Не раз уже указывали на то, что в судьбе России огромное значение имели факторы географические, ее положение на земле, ее необъятные пространства. Географическое положение России было таково, что русский народ принужден был к образованию огромного государства. На русских равнинах должен был образоваться великий Восток-Запад, объединенное и организованное государственное целое <...> Размеры русского государства ставили русскому народу почти непосильные задачи, держали русский народ в непомерном напряжении. <...> И это наложило безрадостную печать на жизнь русского человека. <...> Русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами, она утопает и растворяется в этой необъятности. Оформление своей души и оформление своего творчества затруднено было для русского человека. Гений формы – не русский гений, он с трудом совмещается с властью пространств над душой. И русские совсем почти не знают радости формы»⁸.

Из этой обширной цитаты мы видим, что пространство выступает как географическое *a priori* – оно обуславливает характер русского народа и формы проявления его культуры. Географическое пространство доминирует над человеком, определяет буквально все: от эмоциональных проявлений до отношения к государству. По Бердяеву, русский народ «подавлен» имеющимся у него пространством и вследствие этого ограничен в творческом выражении.

Развивая эту мысль, Бердяев прибегает к сравнению русского народа с немецким, который, напротив, зажат своими пространствами и поэтому вынужден быть активным и организованным. Вот что он пишет: «Возьмем немца. Он чувствует себя со всех сторон сдавленным, как в мышеловке. Шири нет ни вокруг него, ни в нем самом. Он ищет спасения в своей собственной организованной энергии, в напряженной активности. Все должно быть у немца на месте, все распределено. Без самодисциплины и ответственности немец не может существовать. Всюду он видит границы и всюду ставит границы <...> Германец чувствует, что его не спасет Германия, он сам должен спасти Германию. Русский же думает, что не он спасет Россию, а Россия его спасет»⁹.

Зависимость русского человека от своего пространства проявляется не только в психологических особенностях, но и в типе государственного устройства. Бердяев пишет, что именно из-за необъятности русских пространств жизнь русского народа всегда была подчинена централизованной власти, поскольку в последней

⁸ Бердяев Н.А. О власти пространств над русской душой... С. 42.

⁹ Там же. С. 43.

виделся «рецепт» выживания. Русский человек не осознает личных свобод, так как они специально подавлялись на протяжении всей истории, и находит спасение в смирении и отказе от исторического и культурного творчества. Выходом из состояния исторической и культурной пассивности Бердяев видит интериоризацию государства в русском человеке, переход пространства внешнего – географического и социополитического – в пространство внутреннее: «Государство должно стать внутренней силой русского народа, его собственной положительной мощью, его орудием, а не внешним над ним началом, не господином его. Культура же должна стать более интенсивной, активно овладевающей недрами и пространствами и разрабатывающей их русской энергией»¹⁰. Однако в конце своего произведения философ говорит о том, что пространство, бывшее географическим, внешним, уже стало пространством внутренним. Бердяев отмечает, что «русская ширь» – это не внешний материальный, а внутренний духовный фактор, который влияет на человека. Разгадка этого сложного взаимодействия внутренних и внешних пространств кроется в философской формуле: «Широк русский человек, широк как русская земля, как русские поля. Огромность русских пространств не способствовала выработке в русском человеке самодисциплины и самодеятельности, – он расплывался в пространствах». Именно с русскими полями и русской землей Бердяев сравнивает широту русской души. При этом такая «широта» понимается философом скорее как внутренний духовный, а не внешний материальный фактор. Таким образом, в философской концепции Бердяева «пространства» обладают определенной гибкостью и могут трансформироваться из внешних во внутренние даже в рамках одного текста. Этот взгляд, в известном смысле, оригинален.

Описанное выше географическое пространство, не единственное, над которым размышлял философ.

Внутренние пространства: Запад, Восток и Азия

Оценивая работу различных интеллектуальных кругов русской эмиграции, Бердяев идейно сближается с теми, кто смирился с проигранной гражданской войной и признал революцию как свершившийся факт. Несмотря на то, что в своих текстах философ предпочитал чаще всего занимать мета-позицию, открыто заявляя, что ему ближе французские молодежные организации, чем общества русских эмигрантов, Бердяев признается в сдержанной

¹⁰ Там же. С. 44.

симпатии определенной эмигрантской общности. Бердяев называет эту группу «молодежью», однако в историографии принято название «Пореволюционеры»: «Пореволюционеры появились в конце 1920 – начале 1930-х гг. Как левый ответ эмиграции на поиски новой идеологии, способной опровергнуть большевистский коммунизм и либеральный капитализм со всеми недостатками. Пореволюционерам свойственны поиски очередного так называемого третьего пути...» [Базанов 2022, с. 84].

Такая симпатия Бердяева обусловлена общим для этого эмигрантского круга мнением, что Россия после войны и революции обязана «переработать» себя изнутри, обрести новую субъектность. Сам Бердяев в этой задаче, поставленной перед Россией и русским человеком, видит характерную для западного мышления черту рассудочного и конструктивного овладения ситуацией, а не слепое подчинение обстоятельствам. Позднее, в 1940-е гг., Бердяев напишет: «Они <пореволюционная молодежь> примирились с тем, что произошел социальный переворот, и хотели строить новую Россию на новой социальной почве. Это была моя мысль, и я, вероятно, в этом отношении оказал некоторое влияние»¹¹. Однако в этом же тексте он признавался, что та пореволюционная молодежь, которая поначалу вызывала у него симпатию, в конце концов не была синонимична его идеям. В любом из ответвлений этой эмигрантской мысли, Бердяев находил тот или иной изъян, который выдавал в эмигрантах скрытую, «незападную» сущность. По этой причине, в конце концов, философу ничего не оставалось, кроме как отдалиться от «живой» эмигрантской мысли и стать своего рода отшельником. Так он писал: «Я остался одиноким, как и всегда. Меня считали левым и почти коммунистом. Но мне чужды все течения и группировки, мне чужд “мир”»¹².

На каком основании оказывается возможен бердяевский переход от пассивности, исторически обусловленной «пустотностью» русского пространства, к активации деятельного, западного, потенциала русского человека? Еще в статье «Азиатская и европейская душа», которая была опубликована в 1918 г., до эмиграции, Бердяев, развивая свою критику текста А.М. Горького «Две души», артикулирует собственное понимание категорий «Запад» и «Восток». Отталкиваясь от спора славянофилов и западников, философ занимает парадоксальную позицию, говоря о том, что славянофилы, несмотря на свой «русский» пафос, оказываются людьми западными, а западники, наоборот, своим следованием за Западом выстав-

¹¹ Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Эксмо-Пресс, 2021. С. 392.

¹² Там же.

ляют свою «азиатскую» суть. Бердяев пишет так: «Можно даже высказать такой парадокс: славянофилы, взгляды которых, кстати сказать, я в большей части не разделяю, были первыми русскими европейцами, так как они пытались мыслить по-европейски самостоятельно, а не подражать западной мысли, как подражают дети <...> А вот и обратная сторона парадокса: западники оставались азиатами, их сознание было детское, они относились к европейской культуре так, как могли относиться только люди, совершенно чуждые ей, для которых европейская культура есть мечта о далеком, а не внутренняя их сущность»¹³.

Из текста видно, что к оппозиции Востока и Запада добавляется третье понятие – Азия. По словам Бердяева, азиатский человек – это ребенок, пародирующий европейца, зачастую безуспешно. Как между ребенком и взрослым, так и между Азией и Европой существует непреодолимая дистанция. Для Бердяева дистанция между Западом и Востоком меньше, чем между Азией и Западом, что объясняется не географией, но – значением этих понятий в раскрытии внутренних пространств человека. Так, характерная особенность пространства Запада выражается во внутренней свободе человека: в стремлении и потребности быть частью культуры, в устремленности в будущее. Человек Запада творит культуру, человек Азии же, по Бердяеву, не творит, но только преклоняется перед ней. Напротив, пространство Востока равноценно по культурной значимости пространству Запада и так же не должно смешиваться с азиатским «бескультурьем».

Бердяев пишет следующее: «И еще не следует смешивать темного, дикого, хаотического азиатского Востока с древней культурой азиатского Востока, представляющего самобытный духовный тип, привлекающий внимание самых культурных европейцев. На Востоке – колыбель всех великих религий и культур. И на вершинах европейской культуры подлинно культурный европейский человек не может чувствовать презрения к своим древним истокам. Это презрение свойственно лишь варвару, человеку не культурному. Старинная культурная европейская душа не может идолопоклонствовать перед европейской культурой и не может презирать культуру Востока. Только темная еще азиатская душа, не ощутившая в своей крови и в своем духе прививок старой европейской культуры, может обоготворять дух европейской культуры как совершенный, единый и единственный. И она же не чувствует древних культур Востока»¹⁴.

¹³ Бердяев Н.А. О власти пространств над русской душой... С. 39.

¹⁴ Там же. С. 40.

Согласно позиции Бердяева, Запад, Восток, Азия являются пространствами внутренними. Находясь в России, человек может называться западным человеком, так как его, пользуясь языком Гройса, экспонирование другому происходит в рамках Западного пространства. По мысли Бердяева возможна и обратная ситуация: Россия тоже может пониматься как внутреннее пространство, но не как характеристика «географии души», а как набор философских пресуппозиций субъекта.

Внутренние пространства: Россия

Сам Бердяев идентифицировал себя скорее с западным человеком, но не европейцем. В его поздней работе «Самопознание», которая была опубликована практически сразу после смерти автора в 1949 г., в главе «Россия и мир Запада» Бердяев осмысляет Россию в той же логике внутреннего пространства, по которой ранее размышлял о Западе, Востоке и Азии. Под «Россией» понимаются эмигранты, причем эмигранты, переезжающие из одной европейской столицы в другую, но ментально остающиеся во внутренней России. В этой же работе, описывая свое состояние в момент эмиграции, он задается таким вопросом: «С какими же русскими мыслями приехал я на Запад?»¹⁵. В список этих русских мыслей философ включает осознание кризиса христианства и мировой гармонии, конфликт личности, примат экзистенциализма в мышлении и так далее. Заканчивая этот список, Бердяев признается, что всегда осознавал пространство Запада влияющим на его философские работы, однако, находясь в эмиграции в Европе, он не может не признавать, что «русское» пространство остается ключевым, в рамках которого он себя идентифицирует: «Но во мне всегда оставалось неистребимо мое индивидуально-личное и мое русское. И это несмотря на мое отвращение ко всем формам национализма, на мой коренной универсализм»¹⁶. Говоря о значимости России для эмигрантов, Бердяев акцентировал внимание на функциональном, внутреннем пространстве субъекта. Функциональность такого пространства объяснялась тем, что и сам автор, и другие эмигранты, по мысли Бердяева, оставались в рамках этой «внутренней» России, несмотря на то что географически они находились в Европе¹⁷.

¹⁵ Там же. С. 384.

¹⁶ Там же. С. 385.

¹⁷ Интересно отметить, что одним из первых, кто отмечал формирование в эмиграции общего «русского» духовного пространства, был

Помимо пространств географических, способных преобразовываться в пространства внутренние, а также пространств изначально внутренних, в построениях Бердяева уместно выделять и идею о внутренних коллективных пространствах или – пользуясь терминологией Бориса Гройса – пространствах публичных.

Публичное пространство: создание пустоты

Внутренние пространства у Николая Бердяева могут быть поняты через призму характеристики публичного пространства по Гройсу, а именно как ограниченные пространства, где субъект себя экспонирует, и которые обладают первичной пустотой, заполняемой субъектом по мере процесса самоэкспонирования.

Гройс пишет о субъекте следующее: «В крайнем своем проявлении модернистский дизайн – это дизайн субъекта. И единственный адекватный подход к проблемам дизайна состоит в том, чтобы обратиться к субъекту вопрос: как он хочет себя подать, какую форму он хочет себе придать и каким он хочет предстать перед взглядом Другого»¹⁸. Думается, что в этой фразе заключена позиция для ответа на вопрос о возникновении внутренних пространств России, Запада, Востока, Азии в текстах Бердяева. Эти пространства из географических стали внутренними, очистившись до состояния пустотности. С их помощью можно создать новое публичное пространство. Но публичность этого пространства будет ограничена социальными и идейно-ценностными рамками. Россия в тексте Бердяева 1918 г. мыслится не только как внешнее географическое пространство, но и как пространство внутреннее, пространство русской души. В «закатном», эмигрантском тексте философа Россия более предстает в виде философских пресуппозиций. Европа также не осмысляется Бердяевым как исключительно географическое пространство, оно понимается и как пространство символическое. Если, например, в тексте 1918 г. Германия представлялась Бердяеву географическим

А.В. Карташев, который еще в 1928 г. в парижском журнале «Борьба за Россию» писал о двенадцатимиллионной «нации» зарубежной России как о «русском *вне-ссср-ском* мире» [Королев 2024, с. 12]. Признавая за этой массой повальную аполитичность, указывая, что политической, а значит мыслящей эмиграции из этой нации всего миллион человек, он не пытался как-то осмыслить эту зарубежную «нацию» как нечто функциональное, но лишь стремился обратить читательское внимание на сам факт ее существования.

¹⁸ Гройс Б. Публичное пространство: от пустоты к парадоксу... С. 10.

a-priori, то в эмигрантском тексте Германия – пространство, находящееся на границе русского Востока и европейского Запада.

Здесь уместно вернуться и ответить на вопрос о том, чем обусловлен «продуктивный» взгляд Бердяева, например, на эмигрантское положение русского человека. Активизация у него креативности, характерной для западного человека, не обусловлена только географической дислокацией, речь идет в данном случае об осознании некой *пустоты*, которая и создает возможность для творчества. Пустота эта, как и свойственно пространству, не безгранична, а ограничена. Философ даже перечисляет границы, выражающиеся в идеях «привезенных» им на Запад, но внутренняя территория этого пространства описывается им как пустота, в рамках которой и происходит творческий процесс.

Николай Бердяев говорит об эмиграции как общности, которая лишена возможности заниматься политикой, а любые эмигрантские попытки назвать свою деятельность политикой, философ считает предрассудками. Однако эмиграция обретает возможность заниматься философией и культурой, эмиграция может экспонировать себя *другому* при помощи творческого акта. Творческий акт, в рамках внутренней пустоты, активизирует креативную силу и ведет к развитию вперед. Для Бердяева это развитие и было высшим благом, которым было наделено пространство Запада.

Пространство свободы

В связи с этим отдельно необходимо упомянуть об еще одном, вероятнее всего, самом главном для Бердяева пространстве – пространстве свободы. Вынесение этого пространства в отдельный смысловой блок анализа неслучайно. Во-первых, сам Бердяев признается, что пространство свободы является центральной темой его философии, и уже это заставляет нас говорить об этом пространстве отдельно. Во-вторых, до этого момента мы говорили о коллективных пространствах. Внутренние пространства, выражающиеся в философских течениях, особенностях мировоззрения и так далее, мыслятся как коллективные пространства. Пространство же свободы является по Бердяеву абсолютно индивидуальным пространством существования каждого отдельного индивида. Понятие свободы основано на понятии *Ungrund* Якоба Бёме. Это значит, что свобода безосновна, то есть «не имеет дна», является априорным пространством. Сам Бердяев в своем последнем произведении считал необходимым подробнее проговорить разницу между его понимаем безосновности и понятием, которое было введено Яковом Бёме:

«Были годы, когда для меня приобрел особое значение Я. Бёме, которого я очень полюбил, много читал и о котором потом написал несколько этюдов. Но ошибочно сводят мои мысли о свободе к бёмевскому учению об Ungrund'e. Я истолковываю Ungrund Бёме как первичную, добытийственную свободу. Но у Бёме она в Боге, как Его темное начало, у меня же вне Бога»¹⁹. Если географическое пространство – это *a priori* для человеческого общества, то пространство свободы – это *a priori* даже для Бога. Бердяев пишет: «В свободе скрыта тайна мира. Бог захотел свободы, и отсюда произошла трагедия мира. Свобода в начале и свобода в конце. В сущности, я всю жизнь пишу философию свободы, стараясь ее усовершенствовать и дополнить. У меня есть основное убеждение, что Бог присутствует лишь в свободе и действует лишь через свободу»²⁰.

Такое пространство божественной свободы безгранично и соплагается пониманию открытости публичного пространства модернистских художников, для которых, как пишет Гройс, «архитектура, которая пытается создать публичное пространство, в то же время должна стать, так сказать, антиархитектурой», то есть стать невидимой, не препятствующей самовыражению субъектов²¹. Бердяев размышляет над функциональностью свободы как пустоты, как творческого акта. Для Бердяева творческий акт – то, с помощью чего Бог сотворил человека, и этой же способностью Бог наделил человека, создав безосновную свободу. По Бердяеву, творческий акт имеет, если можно так выразиться, две ипостаси: первичный творческий акт, который ведет к пониманию Бога и к приближению человека к Богу, и вторичный творческий акт, благодаря которому и функционирует индивид в рамках пустоты. «Вторичный творческий акт, при котором человек как существо социальное должен «являть себя миру», обязан реализовать свой творческий замысел. Творчество в своей полноте не есть только восхождение, «движение вверх», прорыв к иному миру, оно есть также и «нисхождение», «движение вниз», обращение к другому, к миру, к людям» [Кудаев 2014, с. 99].

Заключение

Подводя итоги исследования, следует отметить, что тема пространства широко представлена в творчестве Николая Бердяева.

¹⁹ Бердяев Н.А. Самопознание. С. 147.

²⁰ Там же. С. 79.

²¹ Гройс Б. Публичное пространство: от пустоты к парадоксу... С. 6.

Размеры статьи не позволяют рассмотреть все возможные аспекты категории пространства, используемые философом, тем не менее можно выявить определенную градацию ее содержания. Употребляя понятие пространства в разных значениях – прямом, метафорическом, символическом, – Бердяев выделяет в спектре его понимания как географические, внешние пространства, ограничивающиеся историко-политическими реалиями мира, так и внутренние пространства, обусловленные особенностями культуры, мировоззрением и философией конкретных групп людей. Философ также указывает на возможность трансформации внешних пространств в пространства внутренние. Пространство по Бердяеву может пониматься как некая «пустота», в рамках которой человек превращается в субъекта, а группа людей – в определенную общность. Кроме того, помимо коллективных пространств Бердяев выделяет еще и индивидуальное пространство – пространство свободы. Каждое из этих пространств функционально, и в рамках каждого из этих пространств благодаря тому, что Бердяев называет «творческий акт», происходит становление субъекта.

Литература

- Базанов 2022 – *Базанов П.Н.* Царь и Советы: русская эмиграция в борьбе за российскую государственность: политическая и издательская деятельность. СПб.: РХГА, 2022. 322 с.
- Королев 2024 – *Королев М.А.* Введение в идейную историю русской эмиграции (1917–1991). Калининград: Изд-во БФУ им. Канта, 2024. 416 с.
- Кудаев 2014 – *Кудаев А.В.* Трагедия творчества в эстетике Николая Бердяева. М.: ИФРАН, 2014. 255 с.

References

- Bazanov, P.N. (2022), *Tsar' i Sovety: russkaya emigratsiya v bor'be za rossiiskuyu gosudarstvennost': politicheskaya i izdatel'skaya deyatel'nost'* [Tsar and Soviets: Russian emigration in the struggle for Russian statehood: political and publishing activities], PKhGA, Saint Petersburg, Russia.
- Korolev, M.A. (2024), *Vvedenie v ideinuyu istoriyu russkoi emigratsii (1917–1991)* [Introduction to the ideological history of Russian emigration (1917–1991)], Izdatel'stvo BFU imeni Kanta, Kaliningrad, Russia.
- Kudaev, A.E. (2024), *Tragediya tvorchestva v estetike Nikolaya Berdyayeva* [The tragedy of creativity in the aesthetics of Nikolai Berdyaev], IFRAN, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Иван С. Савушкин, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; vanya.savushkin.99@mail.ru

Information about the author

Ivan S. Savushkin, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; vanya.savushkin.99@mail.ru